

В старом доме семьи Тан было тихо. Ло Пинпин нагревала воду и собиралась отнести ее в главный дом для старших, когда услышала, как хлопнула дверь во дворе. На улице уже стемнело, так кто же мог прийти в их дверь в такой час?

Она подошла к двери и с удивлением увидела сердитое лицо Тан Эрху.

— Что случилось? Дома что-то произошло? — обеспокоенно спросила она. Тан Эрху ничего не ответил, направляясь прямо в главный дом.

Пожилая пара уже собиралась помыть ноги и лечь спать, когда услышала, как открылась дверь. Они ожидали, что это будет их старшая невестка, но это был их второй сын.

— Эрху? Что привело тебя сюда снова?

Раньше они не видели, чтобы он так часто приходил, особенно поздно вечером! По выражению лица второго сына Ву Гуйчжи поняла, что он не в духе. Она спросила его:

— Что случилось? Ты снова поссорился с женой?

— Отец, мать, — поприветствовал Тан Эрху своих родителей, затем согнул колени и опустился на колени. — Я хочу развестись с этой злой женщиной!

— Что? — Ло Пинпин подошла к двери и чуть не уронила таз с водой, который несла.

Ву Гуйчжи и Тан Гуанлян были ошеломлены. Почему он вдруг захотел развестись?

Тан Даху услышал шум и поспешил. Он быстро поднял брата.

— Что ты делаешь? Почему ты не можешь нормально поговорить?

Тан Эрху вытер лицо и встал, опираясь на руку брата.

Его глаза покраснели от гнева и смущения. Хотя он не сделал ничего плохого, ему все равно было стыдно.

Увидев, что он стоит неподвижно, не говоря ни слова, старушка забеспокоилась и спросила:

— Что случилось? Расскажи маме, что произошло, и мама примет решение за тебя.

— Мама, мать Лю Сянсян хочет продать Сюй-гера за двадцать лян мужчине из округа, старику,

который даже старше меня, чтобы он стал его маленьким наложником! — голос Тан Эрху был полон негодования.

Бум! Таз с водой в руках Ло Пинпина наконец-то опрокинулся на землю.

Ей было плевать на беспорядок на полу. Широко раскрыв глаза, она сделала несколько шагов вперед и воскликнула:

— Как она посмела? Как она могла быть такой бессердечной! Разве Сюй-гер не ее собственный ребенок? Зачем она это сделала? Даже если она любит деньги, она не должна была продавать Сюй-гера!

Тан Эрху не мог ответить. Он тоже хотел знать, почему Лю Сянсян так поступила.

— Я больше не хочу с ней жить. Я боюсь, что в будущем она задумается о продаже А-Ли. Мама, мне страшно. Как я мог жениться на такой женщине!

Бу Гуйчжи была так зла, что у нее дрожали руки, а лицо покраснело.

Увидев, что старушка вот-вот потеряет сознание от гнева, Ло Пинпин бросилась к ней, похлопала по груди и стала успокаивать:

— Мама, успокойся, успокойся, не волнуйся так сильно.

Бу Гуйчжи тяжело дышала какое-то время, прежде чем ее цвет лица постепенно улучшился. Она сердито выкликнула:

— Иди, позови сюда эту глупую женщину!

Ло Пинпин быстро вышла и пошла в дом Тан Эрху, чтобы позвать Лю Сянсян.

Тан Гуанлянь посмотрел на своего второго сына, покрасневшего от гнева, и некоторое время молчал, прежде чем сказать с глубоким беспокойством:

— Эрху, развод с женой — это не выход.

Тан Эрху широко раскрыл глаза, не понимая, почему отец говорит такие вещи.

Тан Даху сразу понял, что имел в виду его отец, и помог объяснить:

— В конце концов, она родила тебе четверых детей. Это не то, из-за чего можно просто развестись.

— Она родила детей, но это не значит, что она может их продавать! — Тан Эрху в ярости ударил себя в грудь. — Она хочет продать моего ребенка!

Веки Тан Даху дрогнули, когда он удержал своего слегка раздражительного младшего брата и успокоил его:

— Эрху, я знаю, знаю. Не кричи больше, а то напугаешь маму еще сильнее.

— Эрху, когда эта глупая женщина придет, просто напугай ее немного. Скажи ей, что ты хочешь с ней развестись, и она точно испугается. После этого она больше не осмелится говорить лишнего, — строго сказала Ву Гуйчжи. — Ты не можешь на самом деле развестись с ней. Она родила и вырастила для тебя четверых детей. Если ты разведешься с ней из-за этой ошибки, как на тебя посмотрят жители деревни и наша семья?

Старушка сказала это из собственного эгоизма. Она также была очень недовольна Лю Сянсян. Ну, как бы это сказать, эта невестка была не той, кого она выбрала. Ее выбрал сам Тан Эрху.

В те годы, когда они еще жили вместе, никто не думал, что у Лю Сянсян проблемы с головой. Но после развода эта дура показала свою истинную натуру — любовь к деньгам и жадность.

К счастью, она была довольно плодовитой и родила четверых детей для второго сына одного за другим. Старушка закрыла на это глаза и отпустила их, в любом случае они больше не жили вместе.

Как она могла подумать, что Лю Сянсян окажется настолько глупой, что позволит бабушке Ву, свахе, убедить продать своего ребенка всего несколькими словами? Но развод с женой определенно был невозможен. Развестись с ней было бы просто, но найти другую жену было бы нелегко.

Но кто знает, будет ли та, на ком он женится, хорошо относиться к детям дома? Как говорится в старой пословице, с мачехой приходит и отчим. Она не могла просто смотреть, как эти четверо детей живут хуже, чем сейчас.

Морщины на лице Ву Гуйчжи немного углубились. На самом деле она чувствовала, что все не так просто, как ей казалось.

— Эрху, что именно сказала тебе Лю Сянсян? — Тан Эрху посмотрел на мать. — Что она сказала? Она сказала, что сваха Ву подстрекала ее продать Суй-гера?

Глаза Ву Гуйчжи заблестели. Старушка не верила словам Лю Сянсян, по крайней мере, не до

конца, отсюда и ее вопросы.

Тан Эрху начал вспоминать с того момента, как вошел в дом, и подробно рассказал об этом своей матери.

Его невестка Ло Пинпин поспешно вышла из своего двора и медленно направилась к дому Тан Эрху. Она не собиралась специально тянуть время, но дорога была темной и трудной для ходьбы, и она боялась подвернуть ногу, если пойдет слишком быстро.

В основном, пока она шла, она думала о том, что у Лю Сянсян, вероятно, что-то не так с головой, иначе как биологическая мать могла так активно стремиться продать собственного ребенка?

Да, некоторые бедные семьи, которые не могли свести концы с концами, продавали своих детей, но только тогда, когда они не могли позволить себе даже поесть. Продать ребенка за деньги, чтобы прокормить большую семью, – это не то же самое, что выдать ребенка замуж за старика ради денег.

Даже если бы они продали своих детей, чтобы спасти свои жизни, на них бы указывали пальцем и говорили о них всю оставшуюся жизнь. Но в деревне Хэшань таких семей не было.

По материнской линии Ло Пинпин была такая семья, которая продала свою дочь за деньги.

Хотя у них были на то причины, об этом говорили десятилетиями. Всякий раз, когда поднимался этот вопрос, говорили, что их семья продала свою дочь, сколько денег они получили за продажу дочери, как они питались на эти деньги и даже использовали оставшиеся деньги, чтобы выдать замуж вторую дочь и женить сына. Их репутация была разрушена.

Говоря это, даже если мачеха будет возражать, всегда найдутся люди, которые будут сплетничать, говоря, что смерть принесет с собой некоторые блага, и когда человек умрет, мало кто будет говорить о том, что произошло после этого.

Расстояние между двумя семьями было небольшим, поэтому, несмотря на то что Ло Пинпин шла медленно, она добралась до места меньше, чем за четверть часа. Она осторожно толкнула дверь во двор, и та открылась.

Похоже, ее младший брат не напомнил домочадцам запереть дверь, когда уходил.

Она вошла во двор, лунный свет падал на землю, позволяя ей видеть предметы во дворе. В обеих комнатах горел свет. Немного подумав, Ло Пинпин позвала:

— Лю Сянсян, ты спишь?

Не понятно спала Лю Сянсян или нет, но Тан Сюй и Тан Ли услышали голос и вышли из дома.

Увидев, что это их старшая тетя, брат и сестра быстро поздоровались с ней.

— Тетушка, зачем вы пришли? Проходите и присаживайтесь, — Тан Сюй с улыбкой поприветствовал ее.

Ло Пинпин не могла не проклясть Лю Сянсян в глубине души, когда увидела Тан Сюя. Сколько же злобы ей пришлось испытать, чтобы сделать такое!

Она взяла Тан Сюя за руку и погладила ее, тихо утешая:

— Ты страдал.

Тан Сюй был озадачен. От чего он страдал? Он вовсе не чувствовал себя обиженным. Напротив, он даже подумал, что вел себя перед Тан Эрху слишком нагло, и немного смутился.

Он не мог показать свое замешательство на лице. Он просто выдавил из себя слабую улыбку, опустил ресницы и тихо ответил:

— Все в порядке, тетя, не волнуйтесь.

Сердце Ло Пинпин было мгновенно тронут.

— Твоя мама просто глупая. Не беспокойся о ней. Если у тебя в будущем возникнут какие-нибудь проблемы, приходи к тете. Если тетя не сможет тебе помочь, есть еще бабушка. Она точно поможет тебе принять решение.

Тан Сюй внезапно понял. Ого, его отец вовсе не был плохим. Он действительно пошел жаловаться в старый дом.

Он понял. Он наклонил голову, пристально посмотрел на меня, выдохнул, отвернулся с влажными глазами, и его ресницы задрожали.

— Я знаю, что бабушка и дядя заботятся обо мне. Если что-то понадобится, я обращусь к вам. Тетя, вы пришли, чтобы найти меня?

В тот момент ему немного хотелось спать, и он был не в настроении проявлять нежность к тетушке. Он надеялся, что она быстро уйдет и оставит его в покое.

Тан Ли стояла в стороне, не зная, как вмешаться, поэтому решила промолчать.

Ло Пинпин слегка кивнула брату и сестре и помахала рукой.

— Вы двое, идите спать. Мама попросила меня прийти и позвать вашу маму.

Сказав это, она пошла в главный дом. Вскоре после этого Лю Сянсян вытащили оттуда за руку. В лунном свете были видны только растрепанные волосы Лю Сянсян и ее неясное выражение лица, говорившее о том, что она не хочет уходить.

Когда они ушли, Тан Ли замялась и спросила:

— Почему бабушка позвала маму?

Тан Сюй покачал головой.

— Я не знаю. Давай вернемся в постель. Завтра мне рано вставать, чтобы подняться на гору.

— Брат, ты хочешь выйти замуж за Вэй Дуна? — на лице Тан Ли отразилось любопытство. — Когда я стирала одежду у реки, я слышала, как невестки говорили, что его семья выглядит хорошо, но на самом деле все не так уж хорошо.

Можно представить, ведь у него есть младший брат, которому круглый год нужно пить лекарства. Сколько бы у него не было денег, он не сможет накопить много. Если ее брат выйдет замуж за такого человека, ему все равно придется заботиться о больном младшем брате. Как ни посмотри, Вэй Дун — неподходящая пара.

Тан Сюй сохранял спокойствие и спросил:

— Ты знаешь, что у него с семьей? Я не уверен, я не общался с его семьей.

Тан Ли откинулась назад и фыркнула:

— Какая семья? У него не только больной младший брат, но и родители давно умерли.

— А как насчет других родственников?

— Я слышала, что они уже расстались и разорвали отношения, — посплетничала Тан Ли. — Брат, в его семье нет старших, которые могли бы их поддержать. Если ты выйдешь замуж в эту семью, тебе придется самому заботиться обо всей семье, и это будет утомительно, если никто не будет помогать.

Тан Сюй беззаботно кивнул, но его сердце было переполнено радостью.

Отсутствие старших, на которых можно опереться, означает отсутствие необходимости иметь дело с родителями. Оборвать связи с родственниками означает не беспокоиться о том, что кто-то будет использовать свое положение, чтобы оказывать давление на других.

Имея только больного младшего брата, он мог бы управлять домом и принимать решения. Без родственников, которые бы придирались к нему, и без родственников, которые постоянно создавали бы проблемы, это был идеальный союз. Кто бы не хотел такого брака? Только дурак отказался бы!

Для Тан Сюя тот факт, что его семья не могла откладывать деньги из-за больших расходов, просто не был проблемой. Деньги не откладывали, их зарабатывали. Кто бы стал бояться, что не заработает достаточно, если у него есть ум и сила?

Сердце Тан Сюя горело от нетерпения поскорее навестить дом Вэй Дуна. Ему нужно было все проверить, чтобы его собственная свадьба прошла успешно. Тан Ли больше не слышала его голоса и решила, что брат внял ее словам.

Она и не подозревала, что их мысли были совершенно противоположными. Его сердце уже улетело прочь. Они вернулись в свои комнаты, чтобы поспать, не подозревая, что суматоха в старом доме Тан только начиналась.

Ло Пинпин в спешке потащила Лю Сянсян домой, по дороге ругая ее:

— Мало того, что ты жадная, так ты еще и хочешь продать Сюй-гера за деньги? И ты говоришь, что это для его же блага, чтобы он жил хорошей жизнью в качестве чьей-то маленькой наложницы? У тебя еще есть хоть какое-то достоинство, если он станет чьей-то маленькой наложницей? А как же будущее?

— Разве ты можешь прожить всю жизнь, имея всего двадцать лян? Почему бы тебе не подумать об этом? Сюй-гер – такой послушный ребенок. Если ты будешь относиться к нему лучше, когда он заработает деньги, разве он не потратит их на тебя? Ты так недалновидна, думаешь только о настоящем моменте, не задумываясь о последствиях.

— Если ты действительно выдашь Сюй-гера замуж за кого-нибудь в качестве наложницы, нашей семье будет трудно найти хороших партий для остальных троих!

Но Лю Сянсян было плевать на слова Ло Пинпин. С тех пор как Тан Сюй поправился, она все больше его ненавидела. Она чувствовала себя спокойно, только когда видела, что у другого человека дела идут плохо.

К сожалению, все пошло не так, как хотела Лю Сянсян. Она просила о доброте, но не проявляла ее в ответ. Тан Сюй стал богаче, что причиняло ей еще больше страданий.

Увидев, что она безмолвно волочит ноги, Ло Пинпин прищелкнула языком и поторопила ее:

— Поторопись! Эрху собирается сказать папе и маме, чтобы они развели вас. Почему ты медлишь? Думаешь, если будешь идти медленно, то сможешь сбежать?

Поначалу Лю Сянсян, которой удалось взять себя в руки, на мгновение застыла, услышав, что Эрху собирается с ней развестись, затем вырвалась из рук Ло Пинпина и убежала.

Она бежала, и по ее лицу текли слезы, она бормотала:

— Он не может со мной развестись! Как он мог! Я не верю, ты, должно быть, лжешь мне!

Закатив глаза, Ло Пинпин пробормотала себе под нос:

— Что же ты так долго волочилась до этого? Теперь ты знаешь, как бояться.

Они вошли в дом, одна за другой. В главной комнате также пришли Тан Санху и его жена Ли Сюй. Почему они пришли так поздно вечером, если жили отдельно?

Ранее Тан Эрху пошел поспорить с вдовой, бабушкой Ву, которая жила неподалеку. Хотя в тот момент мало кто это слышал, слухи быстро распространились. Меньше чем через полчаса почти вся деревня знала о подлом поступке бабушки Ву.

Когда Тан Санху и Ли Сюй делили свое имущество, они купили участок земли ниже по склону, недалеко от дома свахи Ву. Они смутно слышали, как мужчина спорил снаружи, но не могли разобрать, о чем он говорил.

Ли Сюй жаловалась, что не знает, кто из мужчин начал кричать на свою жену в темноте, не заботясь о том, что их услышат. Но вскоре после того, как она заговорила, прежде чем они успели вылить воду для омовения ног, кто-то постучал в дверь их двора. Тогда они узнали, что кричал их второй брат. Ли Сюй с отвращением заметила, что ее второй брат ведет себя постыдно. Услышав причину, они были шокированы.

Третья невестка была беременна, уже на четвертом месяце. Поэтому, как только они закрыли дверь своего двора, они сразу же отправились в старую резиденцию Тан, утверждая, что беспокоятся о своем втором брате, хотя на самом деле они просто хотели посмотреть на суматоху.

Эта пара прибыла буквально через мгновение после своей прибежавшей второй невестки.

Тан Вэй и Тан Цзу, два брата, сидели в своей комнате. Они не обращали особого внимания на шум, так как это было в основном проблемой старших. Будучи младшими членами семьи, они

знали, что лучше не вмешиваться.

В комнате у каждого из братьев была своя кровать, но ни одному из них не хотелось спать. Оба внимательно прислушивались к шуму в гостиной, время от времени переглядываясь и поднимая брови.

В главной комнате дедушка и бабушка сидели в креслах, а их трое сыновей и невестки стояли вокруг. Несмотря на то, что третья невестка была беременна, бабушка не проявляла к ней никакой доброты.

Изначально это дело не имело к ней никакого отношения. Беременным женщинам следовало оставаться дома и отдыхать, а не бегать и создавать проблемы. Кто бы мог ожидать, что кто-то будет хорошо к ней относиться после того, как она пришла создавать проблемы?

Ли Сюй пошевелилась и прислонилась к Тан Санху. Увидев отпечатки ладоней на лице Лю Сянсян, она воскликнула:

— Вторая невестка, у тебя испортилась внешность!

Лю Сянсян уставилась на нее красными глазами, полными ненависти.

Ли Сюй никогда не ладила с ней с самого начала. К счастью, они рано разделили семью, иначе они бы постоянно ссорились. Ву Гуйчжи сердито посмотрела на злорадствующую третью невестку и отругала ее:

— Заткнись или убирайся.

Ли Сюй усмехнулась, держась за руку мужа и тихо бормоча:

— Вечно вы меня задираете.

Тан Санху жестом показал ей, чтобы она не создавала проблем.

Дед хлопнул по столу и сердито приказал Лю Сянсян:

— Ты, глупая женщина, встань на колени!

Дрожа от страха, Лю Сянсян пошатнулась и опустилась на колени.

Тан Эрху на мгновение замешкался, затем опустился на колени рядом с ней и, покраснев от стыда, хрипло сказал:

— Отец, мать, я был нерадивым сыном.

Тан Гуанлянь вздохнул и указал на него пальцем:

— Я же говорил тебе, когда мы делили семью, что ты должен жить своей жизнью, заботиться о своей жене. Посмотри на себя сейчас, отец четверых детей, мужчина средних лет, какую жизнь ты себе устроил?

Тан Эрху молча опустил голову, полный стыда.

Лю Сянсян уже запаниковала. Она хотела устроить сцену, когда ворвалась в комнату, но, увидев столько людей, не осмелилась.

Сколько бы проблем Тан Эрху и Лю Сянсян ни доставляли дома, в конечном счете это было личным делом пары, когда они оставались наедине. Но если бы об этом узнали старейшины и вмешались, она боялась, что ей придется несладко.

— Папа, я хочу развестись с женой, — прямо заявил Тан Эрху. — Она слишком упрямая, я не могу ее контролировать и больше не хочу этим заниматься. Будет она со мной или нет, все равно. Если я разведусь с ней, у моих детей не будет матери, но, по крайней мере, мне не придется беспокоиться о том, что их продадут за двадцать лян.

Зрачки Лю Сянсян расширились, и она бросилась вперед, чтобы ударить Тан Эрху, причитая:

— Тан Эрху, бессердечный ты человек! Я родила тебе четверых детей, я заботилась о тебе столько лет, а ты хочешь со мной развестись! Что я сделала не так? Я лишь хочу, чтобы наша семья жила лучше!

— Двадцать лян! Наша семья может так хорошо жить на двадцать лян! — Тан Эрху сердито оттолкнул ее, его руки дрожали от ярости, когда он указал на нее и закричал: — Ты хочешь продать Сюй-гера за двадцать лян, а когда эти деньги закончатся, ты продашь Ли-эр за двадцать лян? Ты вообще мать? Я не думаю, что он твой биологический сын, вот почему ты так с ним обращаешься!

Лю Сянсян удивленно посмотрела на него и дрожащими губами пробормотала:

— Что за чушь! Как ты можешь говорить, что я ему не мать? Он мой биологический сын!

Ву Гуйчжи громко перебила:

— Даже если он твой биологический сын, ты все равно продаешь его старику! Как ты можешь быть такой бессердечной! Разведись со своей женой, Эрху, разведись с ней, я согласна!

Тан Эрху встал, намереваясь найти главу клана Тан, но Лю Сянсян бросилась к его ногам.

<http://bllate.org/book/14316/1267374>